

Оскар Шульц

Соединённые пуговиной

12+

Оскар Шульц

Соединённые пуповиной

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42317942

SelfPub; 2019

Аннотация

Рисунок на титульном листе: Самир Юшаев (с немецкого оригинала книги). Дизайн обложки: Анна Шульц. Книга о непростой судьбе немцев в России в период XIX -XX в. написана моим дальним родственником на немецком языке. Я связалась с автором (в 2017 году он отметил 90-летний юбилей) и попросила разрешения на перевод, а также оформление электронной версии книги. Оскар Эдуардович с энтузиазмом откликнулся на инициативу, в процессе перевода вносились исправления по замечаниям автора. С его согласия предлагаю книгу вниманию русскоязычных читателей, интересующихся данной темой. Ирина Цап.

Содержание

Посвящение	4
Предисловие	8
Введение автора	12
Глава 1	14
1. Лейпциг на Чёрном море – в Бессарабии	15
2. Не обесцененное сокровище жителей Лейпцига	29
3. «Толстый Лейпцигец» – воспоминания о церковном колоколе	40
4. Далёкие путешествия немецких сокровищ – рассказ о книгах	56
5. Подтверждение зловещего предсказания	67
Глава 2	76
1. Таинственный чемодан	76
Конец ознакомительного фрагмента.	78

*Уничтожение немецкой самобытности в России
– Из дневника учителя 1908-1969 годы*

Посвящается моему отцу, Эдуарду Шульц, за его любовь к немецкой самобытности, моей матери, Ольге Шульц, за её самопожертвование, сделавшей всё возможное для моего отца, чтобы он мог 60 долгих лет вести дневник для своих потомков, а также моей дорогой супруге Марии, за её терпение и моральную поддержку.

Оскар Шульц

Посвящение

Мои дети, наши потомки!

Наши бабушки и дедушки жертвовали в 1915–1921 гг. жизнями, чтобы сохранить детей, а с ними и немецкую самобытность в России.

Наши родители пытались в 1915–1945 гг. пронести эту жертву через две мировые войны и нам – своим детям – её передать. Но они не могли научить нас, как бороться за немецкую самобытность, мы должны были не противоречить власти, которая хотела уничтожить нас как немцев, и всё равно оставаться немцами. Таким образом, они передали нам в наследство свои страхи.

На наше поколение – моё поколение – в отношении всех немцев осуществлялось огромное коммунистическое давление. Немецкий характер был так глубоко скрыт в нас, что мы не могли адекватно передать его детям. Мы оказались слабым звеном, угрожавшим разорвать цепочку немецкой самобытности в России.

Всё же, наши дети были более решительны и умны, чем их родители, бабушки и дедушки. Они не стали бороться с ветряными мельницами. Они предпочли новую дорогу, чтобы сохранить немецкую самобытность – жить как немцы среди немцев.

Их дети – наши внуки – должны знать об этой цепочке борьбы своих предков за немецкую самобытность, никогда не забывать старшие поколения и быть благодарными за их заслуги.

Дорогие соотечественники! Дамы и господа,

мой отец оставил после себя дневник, который он вёл 60 лет (1908–1969 гг.). Моим сыновним долгом был опубликовать самые важные из его записей. Но мне не хватало грамотности, а точнее, меня мучил вопрос: как правильно писать?

В 1999 г. (мне было 72 года) я прошёл курс в школе дистанционного обучения письму Аксель-Андерсеновской академии, в Гамбурге, а затем написал книгу «Соединённые

пуповиной».

Её содержание: история российских немцев и уничтожения немецкой культуры в России/СССР с точки зрения учителя немецкого языка (моего отца), с моими комментариями.

Чтобы опубликовать книгу, мне пришлось самостоятельно найти издателя и напечатать её за свой счёт. Всё это стоило очень дорого. Я хотел бы покрыть понесённые расходы выпуском следующей книги с рассказом от лица моего поколения немцев в России.

И поэтому я прошу вашей помощи. Пожалуйста, помогите мне в продаже книг.

Книга может быть интересна не только этническим немцам – переселенцам, потомкам иммигрантов, но и всем перемещённым лицам, которых в Германии более 10 миллионов, а также местным жителям, интересующимся немецкой историей.

Я хочу, чтобы все наши дети и внуки прочитали книгу, чтобы они узнали правду о произошедшем с их родителями, бабушками и дедушками, со всеми немцами в России.

Часто мы мучимся и не знаем, какой сделать подарок нашим детям или родственникам. Эта книга подходит для этой цели, она будет стоять на полке, можно будет показать её, рассказать своим гостям, что её написал ваш земляк, знакомый отца или матери, бабушки или дедушки. Не у каждого есть такая возможность.

Могу ли я рассчитывать на вас? Вам достаточно позвонить.

С наилучшими пожеланиями!

A handwritten signature in black ink, reading "O. Schulz". The letters are fluid and cursive, with a large initial "O" and a stylized "S".

Оскар Шульц

Engelsdorfer Str.49

04316 Leipzig

Tel.: 0341 6513929

Предисловие

Отрадно, что в последнее время всё больше и больше публикуется воспоминаний, рассказов, документов о судьбе российских немцев. Эта книга тоже является знаменем времени, попыткой установить истину.

Узнать что-либо об истории российских немцев в бывшем СССР было совершенно невозможно. Два поколения выросли и имеют своё прошлое, которое можно воспринимать только с точки зрения “советского отечества”. Их собственные судьбы и жизненные тропы были запутаны, и часто их невозможно понять. Вопрос “почему” не подлежал обсуждению.

Оскар Шульц родился 16 января 1927 г. в Волини, вырос в Крыму, а затем жил в Казахстане, сам является свидетелем судьбы немцев в России/СССР. Он пережил трудармию (принудительные трудовые лагеря), где треть мобилизованных сгинула навсегда. Он происходил из того поколения, которое хотело не просто существовать, но “лучше умереть, чем жить таким образом”, они отважились на шаги, которые привели к спасению. Шульц Оскару выпала счастливая возможность получить высшее образование, в 1952 г. он окончил ветеринарный институт.

Но книга не о нём лично. Если переселенец всю свою жизнь в СССР сохранял национальность “немец”, то после

выезда на историческую родину его называют “русский”, это оскорбительно и невыносимо. Определённо, причины для этого имеются: иммигранты отличаются от местных жителей. Да, мы изменились в течение двух столетий, но, тем не менее, мы всё-таки остались немцами.

Пять рассказов в первой части книги написаны для того, чтобы помочь местному населению нивелировать возникшие предубеждения и помочь переселенцам при интеграции. Здесь только два маленьких примера тесной связи немцев России и Германии. Три семьи из Лейпцигской земли переселились в Бессарабию, где они заботливо назвали свою колонию Лейпциг. Знаменитый учёный из Лейпцига, Франц Делич, послал миссионера Генриха Лоцкого к Бессарабским и Крымским немцам, о которых он 16 лет заботился духовно. 22 года после возвращения домой он поддерживал оживлённую переписку с колонистами.

Вторая часть книги – выдержки из дневника отца (Эдуарда Шульц) с комментариями и перечислением фактов. Это очень точное и полное жизни документальное повествование о судьбе российских немцев в советской России. “Борьба за выживание немецкой самобытности” – тема, объединяющая содержание дневника автора. Такие подробные описания фактов, которые не сохранились в архивах, которые всегда утаивались советскими органами власти или представлялись с их точки зрения, должны быть озвучены перед общественностью. Это истинное изображение периодической

принудительной ассимиляции немцев в России.

Эта книга даёт возможность читателям познакомиться с точкой зрения немца, выступающего в качестве свидетеля и участника времён Первой Мировой войны, сохранившего письменные документы о своей судьбе.

Эдуард Шульц, отец автора, был образованным человеком, но он не мог понять бесчеловечного обращения с ссыльными из Волыни, не мог понять, что в их страданиях виноваты власти. Уничтожение немцев и немецкой самобытности большевиками, осуществление ими политики “кнута и пряника” он признает только после того, как переживёт трудармию. И только затем он, наконец, понял, что раскулачивание, идеология атеизма, создание и последующий роспуск национальных районов, бесконечные репрессии, депортация немцев, трудармия, разгон немцев – всё это преследовало всего лишь одну цель: уничтожить немецкую самобытность. Немцы были вынуждены вступать в смешанные браки, говорить только по-русски среди многих ненемецких соседей. О немецких книгах, радиопередачах, песнях, молитвах не было и речи. Это был конец немецкой самобытности.

Эдуард Шульц – не только свидетель. Этот документ будет служить в качестве моста к пониманию, почему немцы из бывшего СССР хотят вернуться на прародину, хотя их предки, как бы то ни было, и покинули её добровольно.

Молодое поколение непременно должно прочитать эту книгу, чтобы понять, чего стоило сохранить в России немец-

КИЙ ЯЗЫК И НЕМЕЦКУЮ САМОБЫТНОСТЬ.

Доктор Катарина Нойфельд,

Детмольд

Музей истории немцев

в/из России

Введение автора

Репатрианты, мигранты, переселенцы, этнические немцы – кто они? Это были представители немецкой диаспоры, которые приняли всерьёз свою ответственность за немецкую самобытность. Когда-то эмигрировав, они ревностно сохраняли тесную связь с корнями своих предков. Так поступали жители Лейпцига в Бессарабии, по словам Генриха Лоцкого, так поступал “Барнеби Радж”, так поступал мой отец. В Германии поддерживали своих соотечественников за рубежом, как пример – ассоциация социального обеспечения, Рудольф Шульце-Мольке и многие другие.

Все противоправные, бесчеловечные попытки русского царизма и Сталинского коммунистического режима разорвать эту пуповину потерпели убедительную неудачу. И всё же пришло время для каждого принять важное решение: либо покориться и дать себя русифицировать, либо...

Ассоциация социального обеспечения немецких репатриантов (Берлин, 1909) предупреждала немецких колонистов: *“Возвращайтесь домой! Царь планирует уничтожение немецкой самобытности. Огромная лавина произвола катится к вам”*. Рудольф Шульце-Мольке в 1930 г. давал предупредительный световой сигнал: большевистское правительство в Советском Союзе продолжает уничтожение немцев, начатое царём.

И поэтому большинство приняло решение: мы были и остаёмся немцами!

В октябре 1940 г. – после 125 лет жизни за границей – потомки колонистов из Лейпцига в Бессарабии вернулись домой в Лейпциг в Саксонии. Более полутора веков “Барнеби Радж” выполнял миссию предполагаемого разведчика в России, а затем вернулся в родной Лейпциг. Но не все соотечественники и товарищи сделали это. Так же, как “Толстый Лейпцигец”, который был уничтожен коммунизмом, многие сотни тысяч оказались на обочине.

У нас же было неопишимо большое счастье. Мы дома!

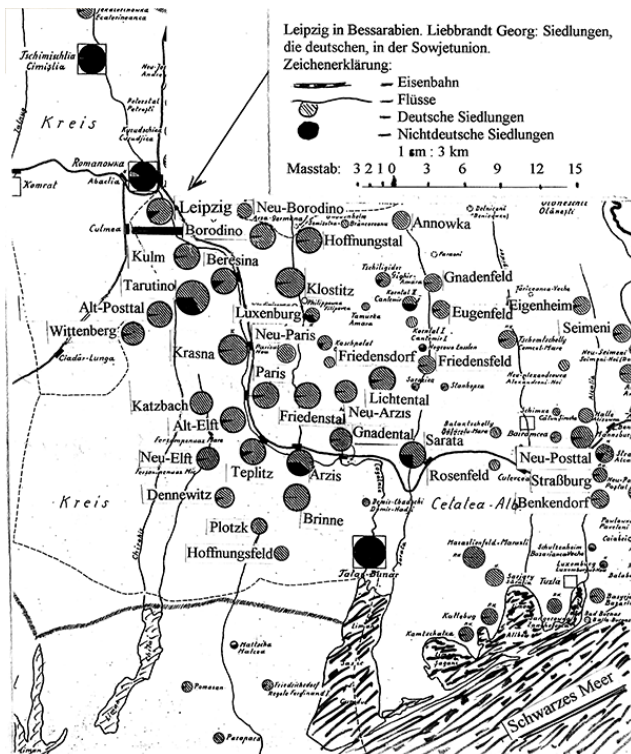
Эта книга, к слову, не претендует на оригинальность или шедевр. Это попытка описания человеческой жизни, попавшей в жернова между различными мировоззрениями, освещённой с точки зрения учителя – немца. Это, безусловно, исповедь честного человека!

Книга должна помочь моим соотечественникам не оставаться в стороне и помогать друг другу быстрее и безупречнее ориентироваться на новой родине, чтобы уверенно войти в местную жизнь, местным жителям – понять лучше судьбу репатриантов, и таким образом избавить их от всеобщих предрассудков.

Оскар Шульц

Глава 1

Прикосновение к неизвестному Лейпцигу

1. Лейпциг на Чёрном море – в Бессарабии

Это было в 1997 г., когда руководитель отдела в Официальном журнале «Лейпцигская Земля» обратился ко всем гражданам с призывом поддержать интеграцию репатриантов добрососедскими отношениями и предложением помощи.

Я хотел помочь в этом вопросе и решил предложить Лейпцигскому читателю несколько интересных историй о первой в истории немецкой колонии «Лейпциг» в Бессарабии. Но, как выяснилось, моих знаний было недостаточно, и путь привёл меня в библиотеку и немецкое землячество Бессарабских немцев. Так я познакомился с господином Отто Бурквицем, который родился в далёкой колонии «Лейпциг» и проживал там в предвоенные годы в городе Лейпциг.

* * *

В поисках мирной и счастливой жизни в XVII–XIX веках многие немцы покинули своё место рождения и мигрировали на восток. Они переселялись из Ангальта, Бадена, Баварии, Гессена, Мекленбурга, Пфальца, Померании, Пруссии, Саксонии, Вестфалии, Вюртемберга и других земель. И

не только немцы, но и голландцы, швейцарцы, австрийцы, французы, чехи, итальянцы, шведы и многие другие.

Там, вдали от родины, они пытались встать на ноги, основывали закрытые поселения и называли их с любовью: мирная долина, долина счастья, долина надежды, родина. Но в память о бывшей родине появлялись и такие колонии, как Берлин, Баден, Франкфурт, Кассель, Мюнхен, Виттенберг и Базель, Цюрих, Эльзас, Париж, Люксембург... Иногда колонии получали наименование по происхождению поселенцев. Известно, что под руководством Мартина Шульц 20 семей из Нассау деревне, основанной в Таврии на юге России (район к северу от Чёрного моря), дали такое же название – Нассау. Нередко колонии носили имена своих лучших, наиболее уважаемых соотечественников. Так, большая колония Бальцер на Волге называлась в честь глубокоуважаемого человека из Эссена – Бартоло Бальцера.

Жители Лейпцига также уносились в вихре тех лет с этим потоком эмиграции. Это был Фридрих Буркарт, Теодор Имшлер, Герман Карл Заксен и тысячи других.

28 мая 1812 г. в Бухаресте был подписан мирный договор, которым признавалось присоединение к России Бессарабской губернии – нынешней Молдовы, находившейся до тех пор под турецким владычеством. Степи этих вновь завоёванных областей нужно было засеять, окультурить и превратить в пахотные земли. Чтобы решить эту задачу, Российский царь пригласил иностранцев. Так в 1815 г. в Бессара-

бии возникли первые четыре немецких колонии.

На берегу реки расположились 128 семей, среди которых трое были из Саксонии: Август Манн 1788 г.р., Фридрих Рейсс 1783 г.р. из Нитлебена и Христин Лейнхаус 1783 г.р. из Халле. Рейсс был лидером, транспортным старостой колонны путешественников, и он, вероятно, со своими соотечественниками из Саксонии взял верх и сумел убедить всех остальных назвать колонию Лейпцигом. Правительство России согласилось с этим предложением без колебаний, так как это название ассоциировалось с воспоминанием о народной битве при Лейпциге 16–19 октября 1813 г. и победой союзников над Наполеоном.

Поселение Лейпциг было основано на левой стороне реки Когильник, которая через 80 километров впадала в Чёрное море. Общине выделили 7434 десятины (1,09 га) очень богатой травами степи, пересечённой несколькими широкими долинами и довольно высокими горами. Каменоломни и лес были недоступны, поэтому поначалу поселенцам пришлось сооружать так называемые мазанки из утрамбованной глины. Выделенная земля была большей частью азотистым чернозёмом, более пригодным для посадки деревьев и винограда, чем для выращивания зерна. В засушливые годы, при отсутствии дождей, было очень мало сена и плодовых урожаев.

Первые 25–30 лет колонистов очень удручали. Строительство домов, возделывание ферм, приобретение лошадей, быков, коров и необходимого инвентаря, обустройство на со-

вершенно новом месте с незнакомым климатом – требовало существенного изменения образа жизни, сильного напряжения при возделывании паровых земель – древних степей, которых никогда не касалась рука человека. Всё это сопровождалось несколькими годами неудач и бед. Неурожаи в 1821,-22,-23,-33; борьба с вредителями и болезнями животных в 1823,-33,-39,-44; саранча в 1826, -27, -47, холера в 1831, -48, -55 годах и другие бедствия.

Не все колонисты были в состоянии преодолеть возникшие трудности, некоторые покидали Лейпциг. 43 семьи, которые не смогли выдержать неожиданное и невыносимое давление природы, эмигрировали в Сербию.

Но были и другие иммигранты. В 1843 г. сюда прибыло пятнадцать семей из колоний Вормс и Рорбах (Берасанская группа колоний в Черноморском регионе), которые были привычны к местной экономике в чрезвычайно экстремальных природных условиях, умели сеять и получать хорошие урожаи зерна на этих землях. Медленный прогресс экономического роста был окончательно сломлен в Лейпциге с 1848 г., когда колония стала подниматься из своего ничтожества и пыли. Готтлиб Хан писал об этом периоде: “...Первому поколению угрожала смерть, второе терпело нужду, и только третье получило хлеб”.

В 1825 г. был построен молитвенный дом с колокольней, в 1829 г. – школа, в 1868 г. – вторая школа, в 1907–1908 гг. была построена крупнейшая в Бессарабии церковь в готическом стиле на 1000 посетителей. Этому приходу принадлежали девять населённых пунктов с 5000 душ. В 1920 г., во время визита короля Фердинанда I и королевы Марии Гогенцоллерн, их имена были внесены в Библию алтаря.

Теперь с колокольни можно было увидеть два ряда красивых домов с белыми цементными кровельными панелями, пятикилометровые аллеи акаций по обе стороны от деревни, порядок и чистоту, уже вступивших в благосостояние жителей. В 1917 г. состояние немецких колонистов из Бессарабии было признано большевиками как “очень богатые”, и поэтому они сразу были обложены в высшей степени высокими на-

логами. Угроза репрессий наступила уже 5 декабря 1917 г., это была гроза для помещиков.

В 1918 г. по мирному договору Бессарабия была передана Румынии. Это было спасение! Готтлиб Хан говорил так: *«Наша маленькая страна, наша родина была сохранена божественным умыслом. Румыния спасла нас от гибели»*.

В 1913–1915 годах проложили железную дорогу, вблизи основали железнодорожную станцию с погрузочно-разгрузочной функцией, которая тоже называлась Лейпциг – это увеличило возможности по продаже продукции во всех направлениях с наилучшими ценами.

В 1927 г. в общине было 936 домов, 135 насосных колодцев и 121 артезианская скважина. Это способствовало тому, что здесь охотно останавливались иностранцы, чтобы насладиться вкусной «Лейпцигской водой». Большинство фермеров старались опробовать лучшие и наиболее прибыльные сельскохозяйственные машины и наряду с пшеницей, овсом, кукурузой выращивали масличные культуры, такие как лён, клещевина и соя.

2 сентября 1927 г. Лейпциг потерпел тяжёлый удар. Проливные дожди наполнили пруд возле поселения, прорвали плотину и превратили реку Когильник в яростный бушующий поток, набросившийся на деревню. Результат: 371 жилой дом и 435 хозпостроек были полностью разрушены, 357 зданий повреждены, 1400 домашних животных нашли смерть...

Но Лейпциг возродился! И хотя правительство Румынии ввело закон (22.12.1918 г.) об экспроприации земли, который затрагивал многих колонистов, все могли улучшить результаты собственной экономики при соответствующей инициативе и риске. Благосостояние бессарабских колонистов – 90000 жителей в 147 населённых пунктах – было замечательным. Приветливые белёные известью дома между лиственными деревьями, цветущие сады, аккуратные, прямые как стрелы улицы, величественные церкви и школы в центре сёл, дорогая одежда колонистов, их осанка, самодовольство, независимость и уверенность в себе – всё указывало на это.

Ряд достойных уважения земляков родом из Лейпцига в Бессарабии. Преподаватель и кюстер¹ Эмануэль Мюллер был профессором немецкого языка в государственном лицее для мальчиков в Четатя-Албэ (Белгород-Днестровский). Лейпцигские колонисты были тесно связаны с Лейпцигом в Германии. Яков Ривин изучал теологию в Лейпцигском университете, вернувшись, он был пастором в приходе Лейпцига с 1926 по 1938 годы. Эрвин Майер тоже учился в университете Лейпцига, и 16.04.1939 г. был утверждён в качестве последнего Пастора прихода Лейпцигской колонии.

¹ У лютеран должность кюстера появилась в XVI веке и совмещалась с должностью учителя в приходской школе, а иногда и органиста. В России, согласно уставу евангелическо-лютеранской церкви, кюстеры именуются также служителями церкви и служат по найму, но к духовенству не причисляются (прим. пер.).

А потом как гром среди ясного неба: 23.07.1940 г. Советский Союз оккупировал Бессарабию. Это был тяжёлый удар, он означал конец. По Советско-Германскому пакту Бессарабия обратно отходила русским, а немецкое население должно было переселиться в Германию.

125 лет существовала немецкая колония Лейпциг. Усилия пяти поколений немецких колонистов уничтожались в одно мгновение из-за безумной одержимости двух монстров XX века – Сталина и Гитлера!

Ни один немец не хотел остаться в подданстве Советов. В октябре 1940 г. колонисты с горькими слезами покидали свою вторую родину, перебираясь в Германию на поездах,

кораблях, обозами.

Deutsches Reich

Einbürgerungsurkunde

Der August Buchwitz
in Leipzig, geboren am 16. September 1892
in Leipzig/Bessarabien, sowie seine Ehefrau
Mathilde
geborene Friess, und folgende von ihm

frakt elterlicher Gewalt (§ 1626 BGB.) gesetzlich vertretene Kinder:

1. Otto, geboren am 24. 8.21 in Leipzig/Bessarabien
2. Emil, " " 22. 1.24 " " "
3. Nathanael, " " 23. 4.27 " " "
4. Pauline, " " 29.10.30 " " "
5. Helmut, " " 29.10.30 " " "

haben mit dem Zeitpunkt der Aushändigung dieser Urkunde die deutsche Staatsangehörigkeit (Reichsangehörigkeit) durch Einbürgerung erworben. Die Einbürgerung erstreckt sich nur auf die vorstehend aufgeführten Familienangehörigen.

Leipzig, den 6. Dezember 1940

Der Reichsminister des Innern
Der Sonderbeauftragte

Отто Бухвиц (77 лет) рассказывает:

6 октября нам пришлось покинуть нашу родину. Как будто провидение Бога привело нас, лейпцигцев, 25 октября в город Лейпциг. 2500 наших земляков получили временное жильё в разных учреждениях. Мы жили в правительстве, на улице Дискауэр, 93. По представленному на рис. 5 документу видно, что я родился в 1892 г. в Бессарабском Лейпциге, а получил немецкое гражданство 6 декабря 1940 г. в городе Лейпциге.

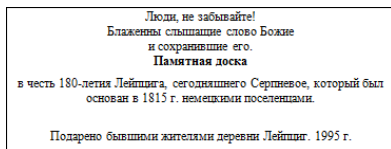
В суматохе военных лет большинство колонистов были разбросаны из Германии по разным странам, некоторые даже эмигрировали в Америку.

На последней встрече в 1990 г., спустя 50 лет после переселения, в Ганновере встретилось около 500 бывших колонистов из Лейпцига.

Многие из оставшихся в живых соотечественников посетили прежнюю родину в Бессарабии – сегодняшней Молдове. Деревня населена русскими, украинцами, молдаванами, гагаузами. Лишь немногие из бывших домов узнаваемы. Огромная Евангелическо-лютеранская церковь – гордость и достоинство всех немцев из Бессарабии – «обезглавлена», стоит башня, стены опустили, сделали плоскую крышу и превратили в культурный центр. Немецкое кладбище, с его мемориальными надписями и богато украшенными каменными надгробными памятниками, больше не

существует. Только часть бывшей школы в настоящее время все ещё используется для учёбы детей.

Мы прикрепили к стене бывшего дома Бурхардт мемориальную доску:

Воспоминания о большом цветущем немецком поселении на Чёрном море – Лейпциге – постепенно, всё больше и больше ослабевают в народе, угрожая потеряться в лабиринтах прошлого с дымом от последнего из живущих Лейпцигских колонистов.

2. Не обесцененное сокровище жителей Лейпцига

Сотни родственников и друзей уже исчезли за решёткой ЧК², многие тысячи семей насильно перемещены со своей земли и домов в болота Карелии³, Сибирскую тайгу, степи Казахстана. Риск попасть между жерновами того жестокого времени становился всё реальней, неуклонно приближаясь изо дня в день. Страх за свою жизнь, а также за существование членов семьи, сильно беспокоил нашего отца – учителя в средней школе Геймталя⁴, не давал покоя и принуждал немедленно принять упреждающие меры. Круг попавших в немилость людей становился всё теснее, не оставалось времени, не было выбора, и он решился оставить родину – дорогую Волюнь.

В 1935 г. отец переехал в Крым⁵, в Цюрихталь. Эта немецкая колония, основанная в 1804 г., была ему известна из многочисленных восторженных рассказов любимого директора

² ЧК – тайная полиция службы государственной безопасности, позднее переименована в ГПУ, НКВД, КГБ.

³ Карелия – автономная республика на северо-западе России, граничащая с Финляндией.

⁴ Геймталь – Heimtal, по-русски до 1961 г. селение называлось Старая Буда, с 1961 г. – Ясеневка (прим. пер.).

⁵ Крым – полуостров на Чёрном море.

семинарии в Геймтале – Бернхарда Грюндстрема, который восемь лет был там пастором.

Отца назначили учителем в средней школе. В его распоряжении был дом, стоявший напротив дома бывшего священника. *“Там когда-то жил очень хороший человек, которому я буду благодарен всю свою жизнь”*, – говорил он задумчиво своим детям, указывая на здание церкви напротив, в 50 метрах от них.

Однажды мы, дети, играя с хламом на чердаке, обнаружили жестяную коробку. Когда мы передали её нашему отцу, и он открыл её, оказалось, что это было спрятанное и, вероятно, забытое сокровище. В шкатулке были сотни различных хорошо сохранившихся купюр из прошлого, в том числе немецкие марки 1922–1923 гг. выпуска. Таким образом, наша семья одним махом стала владельцем нескольких миллиардов! Но мы не смогли бы купить на эти деньги даже буханку хлеба, так как в то время в обращении были только советские денежные знаки.

Наш отец был очень обеспокоен и напуган. Он объяснил своим десяти– и двенадцатилетним сыновьям, что если кто-то узнает в посёлке об этой находке, то его обвинят в связи с нацистскими фашистами, врагами Советского Союза, он будет арестован и, возможно, уничтожен. Мы, дети, обещали ему молчать, потому что с самого раннего возраста знали о важной роли ГПУ, и сдержали данное слово. Наш отец сохранил на память некоторые из прекрасных купюр с изобра-

жением императрицы Екатерины II и три рейхсмарки, которые до сих пор хранятся в семье как реликвия.

Также в шкатулке было несколько старых писем, на тот момент нас, детей, не заинтересовавших ни на минуту. Но через 40 лет, когда я читал дневник своего отца, я наткнулся на запись, в которой рассказывалось об этом случае. Было отмечено, что тот наш дом ранее был домом кюстера, а позже принадлежал богатому фермеру по имени Неккар. Этот человек после революции, в двадцатые годы, был арестован ЧК и расстрелян. А члены его семьи были сосланы в Сибирь и числятся пропавшими без вести. Письма в шкатулке были из Германии, написаны Генрихом Лоцким.

Этот господин рассказывал своему очень близкому другу Неккару о своей поездке в Бразилию в 1923 г. Там он встретился и разговаривал со многими друзьями, немцами из России. Это были самые процветающие фермеры бывшей Таврии, которые знали его как своего любимого пастора в 1885–1901 гг. Это были те, кто смог ускользнуть от преследований большевиков в 1919–1923 годы, бежав в Америку. Лоцкий очень чётко и ясно давал понять, что они более счастливы, чем немцы, оставшиеся под Советами. В его письмах было много высказываний, в которых он сочувствовал, напоминал о вере в Бога и наградах за страдания.

Кто был этот человек, который после 22 лет отсутствия всё ещё с такой любовью заботился о немцах в России?

Генрих Лоцкий родился 21 апреля 1859 г. в Клаузнице (Саксония), в семье священника. Он учился в Ниски, Баутцене, закончил классическую гимназию в Дрездене и изучал теологию в Лейпциге. Здесь, в Лейпциге, он тесно познакомился со знаменитым учёным Францем Деличем, изучавшим иврит и археологию, некоторое время плодотворно учился у него, о чём писал в своей книге «Планета и я...»: *“Я очень сблизился с Францем Деличем. Он был мне близок, как отец, и вселял в меня большую уверенность”*. Этот учёный предложил Лоцкому в 1885 г. поездку в Бессарабию, которая теперь принадлежала России.

Здесь, среди немецкой диаспоры, где было много немецких протестантских общин, он начал свою деятельность в качестве проповедника, как пастор простых крестьян. Таким образом, он имел возможность посетить 25 материнских колоний и почти все 100 дочерних колоний и познакомиться с жизнью бессарабских немцев. И, наверное, именно он, со своей навязчивой идеей, позднее способствовал тому, что в колонии Бессарабский Лейпциг была построена крупнейшая протестантская церковь.

Лоцкий в 1890 г. переехал в Крым, где он принял единственный большой приход Цюрихталь. Здесь у нового пастора было 6000 прихожан в 35 поселениях в районе, который

был столь же большим, как половина Саксонии. Для проживания было предоставлено 60 га церковной земли, которую он, как и все колонисты, должен был обрабатывать сам, с помощью только одного слуги, – использовать тщательно и наилучшим образом. Это гарантировало основной доход для всей семьи. Эту сторону своей жизни он описал в «Воспоминаниях»: *“Конечно, жизнь поселенцев – это серьёзный, аскетический образ жизни, но всё же это и здоровая, сильная жизнь, достигаемая человеческой доблестью”*.

Уже здесь он начал добровольно, по убеждению, распространять свою деятельность далеко за пределы основных обязанностей пастора евангелической общины: дети, школа, преподавание, обучение, воспитание, семья – стали его второй страстью. Он даже *“долгое время содержал школу”*. Однако позже он сосредоточил свое внимание на учителях. Время от времени он проводил учительские конференции, на которых давал учителям образцы уроков, за что учителя были *“невероятно благодарны за те немногие педагогические знания, которыми он делился”*. Учителя видели преимущества этих встреч со своим пастором, Лоцкий выразил это следующим образом: *“Мы работаем во взаимном доверии и большой радости. Были и случайные разногласия, но в конечном счёте признавался авторитет”*. В Крыму он сделал свои первые попытки выступить как писатель...

Когда Лоцкий пришёл к заключению, что он выполнил свою работу в колонии, он доверил большой Цюрихтальский приход выпускнику богословского колледжа в Дерпте (Прибалтика) Бернхарду Грюндстрему.

Лоцкий обратил свой взор обратно к Германии: *“Я прожил 16 лет среди колонистов в Южной России. Это были годы не только серьёзной работы, но и глубокого становления”*. Он ушёл в отставку из крупнейшей общины и отправился в путешествие со своим *“детским роем”* (их было шестеро) обратно в Германию. Но совершенно отделить себя от своих дорогих колонистов он уже не мог. Они укоренились в нём, и позже в его книгах снова и снова находили похвальное и достойное место.

Через десять лет он построил для своей семьи (уже было восемь детей) дом на Боденском озере и основал в Людвигсхафене «Издательский дом Лоцкого». Отсюда вышли его книги, нашедшие свой путь во все части Германии и во все диаспоры. В своих книгах и журнале «Жизнь» он обращался к миллионам людей. Количество томов превысило 300 тысяч. Особенно ценились «Душа ребенка», «Из опыта счастья», «Книга о вступлении в брак» и многие другие, и по сей день не потерявшие своей актуальности.

Его отношение к немецким колонистам лучше всего можно понять из «Воспоминаний»: *“Мы в Германии не догадываемся, какое ценное звено в немецкой самобытности пред-*

ставляют собой эти швабские поселенцы... Кровь немецкой культуры должна стать удобрением для наших врагов. Почему?.. Это обязательно должно изменить новую Германию. Мы должны знать, что все немцы должны быть вместе во всем мире, и что они принадлежат к нам до тех пор, пока они этого хотят. Этим должны руководствоваться все немецкие учреждения”.

И дальше: “Наши предки были не только мудрыми учителями для своих потомков, они унаследовали силы, которые будут прорываться снова и снова. Они были нашими переселенцами в России по крови. Они тоже проснутся, захотят обратно домой, к своему народу, а затем затравлено бросятся друг на друга, чтобы ещё раз понять и признать себя, как принадлежащих друг другу, поскольку они – немцы, и только от немцев ожидают поддержки и помощи”.

После 1917 г., когда Россия попала в хаос Октябрьской революции, Лоцкий предполагал худшее для немецких колонистов. Его последнее заявление в 1925 г. по этому вопросу: *“Конечно, в Германии об этом ничего не знают. Как им живётся сегодня под советским сбродом, если они вообще до сих пор ещё существуют, это неопишимо”*.

Его заботы, его боль не были беспочвенными. Перед немцами в Советском Союзе постепенно открылись все врата ужасов: экспроприации, аресты, высылки, расстрелы, массовые переселения, лагеря, трудармия, спецпоселения и многое другое, что было позже описано как истребление народа и обозначено словом “геноцид”.

Советские власти были убеждены, что им удалось уничтожить немецкую самобытность в Советском Союзе. В «Больш-

шой энциклопедии» послевоенных лет они с бахвальством указывали: больше нет никаких немцев, имеется только небольшая группа немецкоязычных евреев.

Согласно открытой информации по переписи 1970 г. в Казахстане не существовало никаких немцев. Фактически, там жило 900 тысяч перемещённых российских немцев. Каждый 14-й житель этих огромных степных земель был немецкого происхождения.

Этот факт хотели замолчать. Но они выжили! Несмотря на все попытки уничтожить эту большую этническую группу, уничтожить немецкую самобытность, они снова и снова во время переписи указывали: *“Мы – немцы! Мы существуем! Мы живём!”*.

В 1979 г. статистика СССР была вынуждена официально заявить, что в Казахстане живёт 1032 тысячи перемещённых немцев.

* * *

Газета «Deutsche Allgemeine Zeitung» в Казахстане писала в память о проповеднике Генрихе Лоцком, учившемся в Лейпциге, Саксония: *“Мы, Российские немцы, имеем все основания считать этого человека одним из нас, гордиться им и благодарно помнить его. Все, что он писал, рождалось из глубокой любви к своему народу”*.

Прошло более 70 лет после того, как Лоцкий писал о

немецкой диаспоре. Деньги из шкатулки утратили своё значение, счета исчезли, его письма в Россию исчезли, но глубокий смысл его мыслей остался в 30 книгах и никогда не потеряет своего значения для немецких детей.

3. «Толстый Лейпцигец» – воспоминания о церковном колоколе

Он знал, что наступили его последние часы. Он чувствовал на себе петли, твёрдо заложенные мучителями и палачами, видел сооружённую для него виселицу, на которую он будет втянут завтра... Связанный, с кляпом во рту, он уже не мог защищаться и звать на помощь. Ему оставалось только одно – смотреть с высоты колокольни вдаль и вспоминать прошлое. Когда это было? Где было начало? Кого он встречал, и кто заботился о нём? Кому он служил? Как много вопросов, и только несколько часов...

В шестидесятых годах девятнадцатого века большой бронзовый колокол был заказан Евангелическо-Лютеранской консисторией Санкт-Петербурга для строящейся в Геймтале церкви.

Он был отлит в Лейпциге. После охлаждения его вынули из формы, почистили, отполировали до блеска и организовали праздник с благодарственной молитвой и богато накрытым столом. Помощники столпились поближе к мастеру, чтобы услышать первый звук – голос новорождённого ребёнка, и посмотреть в этот момент на поведение старого учителя.

После знака мастера все затаили дыхание. Бутылка шампанского разбита о колокол. Могучий звук наполнил поме-

щение изнутри таким глубоким, плотным, гудящим и потрясающим звуком, как если бы он хотел вынести стены наружу. Это был момент рождения, с этого момента началась его собственная жизнь – жизнь церковного колокола! Первое, что он увидел, это был застывший мужчина, который внимательно следил за стрелкой часов, наострив уши и прислушиваясь к звенящему всё тише, затихающему звуку. Колокол услышал его шёпот: “...тридцать, шестьдесят...”, он поднял указательный палец, и победоносно воскликнул “*Девяносто*”! А затем последовало общее громкое и долгое “*Ура!*” Им повезло – голос колокола на сто процентов соответствовал предварительному заказу!

Затем последовал долгий-долгий путь. Сначала на одном, затем на другом корабле в Россию. Оттуда зимой, на санях – на Украину, к месту назначения, в немецкую деревенскую церковь в Геймтале. Здесь, на Волыни (район Западной Украины), уже несколько лет жили немецкие колонисты. Большинство из них до сих пор живут в землянках и соломенных хижинах, но, несмотря на все ещё гнетущую их бедность, они живут очень экономно, чтобы собрать деньги и построить церковь.

И в 1879 г. она была готова. 21 августа торжественно открылась большая деревянная церковь, она была третьей на Волыни. Эту торжественную церемонию проводил пастор управляющего прихода в Житомире, господин Генрих Везам.

Ещё накануне приехали гости из далёких колоний – из Мирополя, Радомышля, Эмильчина, Коростени и других. Их повозки заняли церковную площадь, улицы и крестьянские усадьбы, так что живущие поблизости и принадлежащие к этой епархии прихожане должны были останавливаться на соседних хуторах, оставляя упряжки в Пулинской-Гуте, Яновке, Арцизовке, а затем продолжать дорогу к церкви пешком.

Сквозь зелень деревьев светились выкрашенные в красный цвет необычайно высокие стены и возвышающаяся в облака колокольня с позолоченным куполом и сверкающим крестом.

Освящение состоялась перед церковью, так как молельный зал был в состоянии вместить не более одной трети от числа присутствующих. Установленный перед входом стол представлял собой кафедру у импровизированного алтаря. Когда пастор Везам закончил молитву благодарения и поклонения Богу, поклонился Богу, возвещая 1000-летнюю верную службу церкви общины, окрестил и благословил кропилом со святой водой церковь, уже давно стоящая тишина разрядилась в расслабляющем, просторном дыхании, которое поднималось из тысяч грудей, и покатила прочь по окрестностям: “А-а-а-минь!”

И в этот момент взорвался воздух! Сверху над людьми бился сильно, глубоко, угрожающе большой колокол! Это было как неожиданный гром с ясного неба. Испуганные люди вздрагивали, втягивали голову в плечи, закрывали уши. И тогда все они поняли, что это был большой колокол, который давал знать, что с сегодняшнего дня в Геймтале открыта церковь для всех верующих колонистов.

Глубокие, “толстые” звуки баса непрерывно падали сверху и проникали через уши и голову во все тело. Воздух вибрировал от этих глубоких пронзительных звуков. И само собой возникло имя колокола. Зная, что он был создан в Лейпциге, ему дали собственное имя: «Толстый Лейпцигец».

Вначале колокол чувствовал себя оскорблённым тем, что ему дали мужское имя. Однако, со временем, снова и сно-

ва слыша, как заботливо и нежно обращаются к нему с этим именем, он успокоился и был рад, что он, рождённый в Лейпциге, наконец здесь, в Геймтале, был благословлён на этот путь. И стал Геймталь со своим большим церковным колоколом, «Толстым Лейпцигцем», с его обворожительным басом известен по всей Волыни и в других колониях. Каждый день «Толстяк» напоминал прихожанам о связи с богом. Торжественные ежегодные открытия были незабываемыми. Он видел сверху, как тысячи посетителей устремлялись к церкви, чтобы отпраздновать этот день, как важное общественное событие.

Церковная община расширилась до 20000 прихожан. Уже 35 раз роскошно праздновался юбилей Геймтальской церкви, когда начало происходить что-то непонятное для «Толстяка». Однажды обычная, привычная жизнь нарушилась: сначала исчез пастор, затем исчез звонарь, и тогда церковь закрылась. Таким образом, он, «Толстый Лейпцигец», был приведён к молчанию. Он смотрел с высоты колокольни, как колонисты бескрайним поездом, с тысячами фур, покидали деревню, епархию, Волынь, двигаясь в северном направлении. Это происходило в 1915 г., после указа царя, когда все немцы Волыни были изгнаны в ссылку. Из дневника моего отца:

21.08.1915 г., пятница. Особенный день: сегодня ровно месяц, как мы в дороге на обозе, и сегодня день поминовения освящения церкви в Геймтале. 35

лет подряд этот день отмечался как самый большой праздник Геймтальского прихода, и даже всей Волыни. Тысячи немецких крестьян устремлялись в этот день к своей церкви, чтобы принять участие в торжественном богослужении. Кроме того, это был день и место встречи с родственниками, друзьям и знакомыми, что жили в различных колониях Волыни и здесь могли встретиться.

С детства, с тех пор, как я себя помню, мой отец брал меня с собой на этот праздник. Я каждый раз неопишимо радовался торжественным молитвам, хорошему пению, звукам органа, волнующемуся морю людей, общему теплу, возбуждающе-громкой, звучной музыке тромбона и басу большого колокола. Незабываемо! Мы, согнанные со своей земли, лишённые дома, вдали от него – воображали этот день! Быть может, сегодня в Геймтале будет проходить служба? Кто может провести её? Пастор Йохансон арестован, кантор Адам с нами в пути. Сколько немцев ещё осталось на родине? Найдут ли они в себе мужество и силы, чтобы как всегда пройти свой путь в дом Божий?

В колонне перемещённых лиц было несколько любителей духовой музыки, которые везли с собой свои инструменты. Полный оркестр невозможно было собрать, но они нашли свой путь друг к другу, и по воскресеньям мы могли до позднего вечера слушать их величественные, родные мелодии – полные страданий, верности и тоски.

Самыми большими были духовые оркестры из

Геймталя и Солодырей, которые объединились в этот день. Все они играли много лет и были отличными музыкантами. Песни, которые они играли, шли из глубины их страдающих сердец и вызывали тяжёлые, болезненные ощущения в душах ссыльных. Раненые души отчаявшихся поселенцев не разбирали громких звуков знакомых мелодий, как и прежде, звучавших радостно и триумфально. В протестном рёве духовых инструментов они ощущали лишь болезненный, сокрушающий сердце плач, страдание и боль, беспомощность и безнадёжность, которые пытались донести до людей по всему миру.

И потому, что Бог вёл их в вере своей, торжественная музыка немного укрепила чувства колонистов, их благочестие придало им новые надежды и внутренние силы. Движимые этими различными чувствами, женские глаза наполнились горькими слезами. Мужчины глубоко вздыхали, прятали свои лица и пытели трубками. Все их мысли постоянно возвращались к их злой судьбе, к тому, что она вырвала их из обычной жизни и бросила в неизвестность.

Жалко, что духовая музыка не перекликается со звуком колокола. Как хочется мне вновь услышать мощный, глубокий звук «Толстяка».

* * *

Моему дяде Александру тогда было 16 лет, до февраля

1916 г. с остальными членами семьи он жил дома, так как два его брата воевали на фронте. Позже он рассказал нам следующее о 36-м юбилее Геймтальской Церкви:

За день до этого отец отправил меня с братом Эрнстом (11) купать лошадей, чистить и украшать упряжь и повозку, чтобы отправиться в Геймталь (за 30 вёрст⁶) для подготовки церковных торжеств. Как всегда, мы очень старались, а утром оставалось только вплести украшения в гривы лошадей, нарвать свежих цветов и прикрепить их к сбруе. Отец придирчиво осмотрел упряжь, сделал нам несколько замечаний, вошёл в дом и вскоре вернулся в своём воскресном костюме. Мы тоже надели чистые штаны и рубахи.

Мы покинули Бобриц около пяти часов утра. Сразу за Михалиндорфом отец придержал лошадей, спешил, обошёл и осмотрел повозку, посмотрел на нас обоих, посмотрел с тревогой на оставшуюся позади деревню, несколько раз, не говоря ни слова, вынимал часы из кармана своего жилета, встряхивая с отчаянием головой. Затем он сделал несколько шагов в сторону деревни, подождал несколько минут и, наконец, недовольный вернулся обратно. Он сказал: *“Кажется, мы сегодня единственные, кто едет на праздник”*.

Но кто мог ещё пуститься в путь? Мы знали, что солдатка Вайс и старый Майер были больны. И вдова Цех, которая получила на прошлой неделе известие, что *“её муж был убит, как герой, на Западном фронте”*,

⁶ Верста – старинная русская мера длины, 1066,7 м.

считала, вероятно, невозможным прервать свой траур. Остальные усадьбы все высланы.

Дорога вела нас через Симони, Нойдорф, Эвенталь, Кремьянку, Киселёвку, Кутузовку и Арцизовку. Чем ближе мы подъезжали к Геймталю, тем беспокойней становился отец. Он нервно елозил на переднем сиденье взад и вперёд, осматривался вокруг и бормотал, что давно уже должен быть слышен звон колокола. Я и Эрнст наострили уши, но тоже ничего не слышали. Напряжение из-за этого неожиданного молчания колокола росло и росло, чувство нашего ужаса увеличивало безлюдье немецких деревень. Нас окружало тоскливое разрушение и опустошение, очевидно это вызвало дополнительное ощущение, как будто невидимое свинцовое одеяло неподвижно и молча где-то парит над нами в воздухе, таинственно давит на нас и парализует.

Лошади фыркали и храпели громче обычного, качали головами, как будто хотели сказать, что они нас понимают, и поэтому пытаются разорвать тишину. Мы с братом подтолкивали друг друга, придвигались ближе к отцу и с облегчением вздыхали, когда выезжали за деревню. Мы уже достигли Кремьянки – не слышно колоколов. Кутузовка – всё тихо. Арцизовка – мы уже видели над верхушками высоких дубов церковный шпиль с его блестящим вопреки всему крестом – колокола молчали!

Наконец и Геймталь. Но и здесь в воздухе плавало захватывающее, таинственное чувство тревоги, что зло

ещё в силе и что эта трагедия ещё не закончена.

Большая церковная площадь была пуста. Только несколько десятков телег вытянулись, прижавшись к обочине, перед церковью. Прибывшие гости разговаривали, собравшись несколькими небольшими группами перед храмом. Отчаявшись и застенчиво осматриваясь вокруг, они не могли поверить своим глазам, не понимали, что произошло. Не так давно, на Пасху и на Троицу, не только церковная площадь, но и все дороги, двory были заняты телегами. Здесь роились мужчины, женщины, дети, которые постепенно стекались в церковь. Звуки колокола звучали громко, непрерывно и волнующе над головами множества людей, чтобы предупредить всех, что дверь открывается, и церковь готова и доступна для торжественного молебна. Но в этот день наоборот стояла мёртвая тишина.

Через некоторое время, потраченное нашим отцом на разговоры с присутствующими, он исчез за церковью. А потом случилось нечто неожиданное. Определённо, все хотели услышать звуки колокола, они не слышали его уже в течение месяца, и вера в такую возможность у них была давно утеряна.

И вдруг, внезапно, как если бы одновременно все деревья рухнули на них, упал сверху единственный, глубокий и очень громкий звук колокола: “*Б-А-А-М-м-м!*”. В одно мгновение все их головы поднялись вверх, устремив глаза на колокольню, и замерли... Прошло всего несколько секунд в ожидании, но всем

они казались вечностью... А потом прозвучал ещё один громкий удар! Ещё один! И ещё, и ещё, пока воздух и все окрестности не наполнились непрерывным, оглушительным рёвом.

И кто-то рухнул, упал на колени. Другой произнёс радостно: *“Он жив! «Толстяк» жив!”*. А потом вслед за ним и другие голоса: *“«Толстый Лейпцигец» проснулся! Аллилуйя!”* И все склонились на колени в молитве перед церковью.

И над всем стоял продолжительный звон «Толстяка». Удары были мощнее, чем обычно, спешили один за другим, так, как будто каждый последующий удар пытался заглушить предыдущий. В воздухе боролись нежные, затухающие звуки с новыми, сильными последующими звуками, которые сметали всё на своём пути. И этот звон был слышен над лесами и полями, в последних, ближних и дальних, немецких колониях. Навсегда крепко связанный с Геймтальским приходом, он требовал их пробуждения и посещения 36-го церковного праздника.

Удары колокола следовали непрерывно, как океанские волны, которые непрерывно следуют одна за другой, звуки стремились преодолеть расстояние, отделяющее их от высланных соотечественников. Но напрасно! Они были уже настолько далеко, что не могли услышать страдающий зов своего любимого колокола.

Колокол звенел... и звенел! Как долго? Не имею понятия. Я уже давно подозревал, что звонарём был наш отец. Я обошёл церковь и нашёл за алтарём

дверь, которая была открыта. Я спешно прошёл через молельный зал и по лестнице стал подниматься наверх башни. Там царил полумрак, было жутко. Ступеньки скрипели под ногами, но я слышал только торопливые, громкие, глубокие звуки колокола, обрушивавшиеся на меня сверху. С трепетом я поднимался всё выше по узкой мерцающей лестнице. Звонница была пуста.

Я поднялся по ступенькам на самый верх. Могучий рёв колокола встряхнул меня, было ощущение, будто я оглох и ничего не слышу. Наш отец стоял под большим колоколом, там, где ремень крепится к колокольному языку, и бессознательно, раз за разом, ударял по колоколу. Его лицо застыло, глаза были закрыты, борода грязная и мокрая от слёз. Я тормошил, дёргал его, но он меня не замечал. Ошеломлённый, как после глубокого сна, он не мог понять, что я хочу от него. Меня одолел приступ страха, я запаниковал и чуть не упал с колокольни. Я завыл и крепко прижался к отцу. Вероятно, моё поведение привело отца в сознание. Он оставил в покое язык колокола и обнял меня. Сам по себе колокол издал ещё один громкий звук и затих.

Мы спустились с колокольни. Но ещё долгое время у меня в ушах стоял глубокий, непрерывный плач, как болезненный стон, нашего «Толстяка». Отец прошептал: *“Где мой сын Эдуард? Где наши родственники? Где все соотечественники?”*

Беспрецедентно и неожиданно вспыхнула октябрьская революция, которая автоматически отменила царский указ об изгнании немцев. Какие надежды возродились, какие ожидания и мечты! Выжившие немцы Волыни постепенно возвращались в свои дома. Весной 1918 г. пастор Фридрих Ринк возродил духовную жизнь Геймтальского прихода. Колокола были разбужены после принудительного трёхлетнего глубокого сна. И опять «Толстый Лейпцигец» верно служил общине.

Из года в год «Толстяк» всё больше ощущал, что всё идёт не так, как раньше. Всё меньше и меньше свадеб, крестин, меньше посетителей. Звонарь, заставлявший его петь, был не так ревностен, как раньше. «Толстяк» чувствовал, что его голос становится тише и глуше.

Наступил 1934 год. В этот кровавый, несчастный год, пастор Густав Уле был арестован, церковь закрыли, а громкоголосого «Толстого Лейпцигца» превратили в часы. С тех пор четыре маленьких колокола молчали, и только «Толстяк» сохранил за собой право звучать – он отбивал часы от одного до двенадцати, призывал колхозников к работе.

Мне, автору этих строк, в 1934 г. было 7 лет, я учился в нулевом классе. На церковь для школьников было наложено табу, мы были очень запуганы в этом смысле. Но любопытство взяло вверх, мы подружились со звонарём Иоганном с больными ногами. Мы приносили ему еду: яблоки, ягоды, грибы, а он позволял нам отбивать одним ударом получасовки.

И я в детстве имел счастье несколько раз заставить звучать «Толстого Лейпцигца». Колокол висел передо мной большой и широкий, я держал в руках короткую верёвку, привязанную к его языку, тянул её взад и вперед, чтобы привести в движение, а затем ударял по краю колокола со всех сил, что были в маленьком детском теле: “*Б-А-а-а-м-м*” ошеломляюще и оглушительно стонал «Толстяк»... И тогда мы, дети, замолкали и заворожено слушали постепенно затихающий рокот колокола. Когда он замолкал, создавалось впечатление, что «Толстяк» разрядил воздух, и мы снова можем дышать полной грудью.

И даже сегодня, спустя шесть десятилетий, я могу воссоздать в памяти незабываемый, глубокий звук колокола, услышать его густой, пульсирующий и вибрирующий бас, и, как мне кажется, почувствовать его всем своим сердцем.

* * *

В 1937 г. окружной партком решил снести принадлежащую колонистам церковь в Геймтале, а в райцентре Пулин построить дом культуры. Колокол был спутан, вначале они хотели потихоньку спустить его с колокольни и представить это кощунство как прогрессивный шаг. Это действие должно было сопровождаться музыкой духового оркестра. Колокол противился этому насилию, он не представлял себе своё существование без службы на колокольне. Внизу звучала торжественная музыка – международный гимн палачей: “...*Весь мир насилья мы разрушим...*”

Колокол сопротивлялся. Канат оборвался, и колокол начал падать... Его последние мысли были: “*Кто ничего не строил, а только разрушает, кто только и делает, что управляет силами разрушения, тот сам со временем будет лежать в руинах*”. Он врезался в землю... и разбился с громким дребезжанием.

* * *

Коротка была жизнь «Толстого Лейпцигца», всего 58 лет вместо ожидаемых пастором Везамом 1000 лет. Трагедия большого церковного колокола в Геймтале, как тысячи по-

добных трагедий в России, была пророчеством гибели. В Советском Союзе хотели уничтожить немецкую самобытность, посчитав, что к прогрессу может привести разрушительное насилие, однако эта бредовая идея через 53 года обратилась против своих творцов. Коммунистическая партия дрогнула, и советский режим рухнул безо всякого шума, развалившись на мелкие части.

4. Далёкие путешествия немецких сокровищ – рассказ о книгах

В январе 1999 г. в городской библиотеке Лейпцига состоялось открытие выставки «Немцы в России – русские в Германии...» Здесь под названием «Далёкие путешествия немецких сокровищ» были выставлены три небольшие книги: две книги Чарльза Диккенса, «Барнеби Радж» и «Повесть о двух городах», и третья, «Письма Вильгельма Гумбольдта...»

Это был самый большой праздник в жизни этих трёх книг! Одновременно это был двойной праздник: чествование «Барнеби» и для всех трёх – шестая годовщина их возвращения на родину. Здесь, в Лейпциге, 155 лет назад «Барнеби» увидел свет, здесь он понял, какие задачи ему предстоит решать, и отсюда он начал своё дальнейшее и долгое путешествие в чужой мир.

«Вильгельм» и «Повесть о двух городах» стояли в этот день, как, впрочем, и всю их долгую жизнь, в стороне от своего товарища. Они были моложе на 23 года и на 15 лет соответственно, и могли мало что вспомнить о тех временах. У них появилось бесконечно много вопросов, в том числе: *“Была ли отчизна и в прошлом так неприветлива, как сегодня?”*

После долгого раздумья «Барнеби» ответил на этот болезненный вопрос так: *“Я ощущаю обстановку вокруг так, как*

будто я вернулся в дом своего детства. Всё трогательно знакомо, вызывает сердечное тепло и пробуждает во мне лучшие чувства. Я бросаю взгляд на стены, двери, мебель, книжные полки, различные предметы и ощущаю их скрытую теплоту, их гостеприимство, слышу их поощряющий шёпот: "Добро пожаловать, заблудшая душа! Наконец-то ты вернулся домой. Чувствуй себя как дома, живи с удовольствием!" И в то же время я понимаю, что в этом отчем доме снуют посторонние фигуры. Ни одного знакомого лица! Они проходят мимо, не замечая меня, как будто я вообще не существую. Я заговариваю с ними, а они делают круглые глаза, в которых в основном светятся недружелюбные вопросы: "Ты кто? Откуда ты? Какие у тебя намерения? Может быть, ты хочешь, чтобы я уступил тебе своё место, хочешь занять моё жизненное пространство, претендуешь на моё наследство?" Для большинства жителей наше появление было большой неожиданностью, явившейся причиной суматохи и неудобства. Тем не менее, я слышу редкие и едва различимые голоса тех, кто вернулся из изгнания полвека назад. В своё время они тоже должны были решать такие проблемы, что стоят сегодня перед нами. Всё это помогло мне понять, что наши различия невообразимы. Потому что сегодня мы столкнулись с потомками тех, кто полтора века назад дал нам жизнь и выпустил в мир. И, к нашему несчастью, этот факт был забыт. Именно поэтому для многих мы сегодня кажемся совершенно чужими".

“Но почему они не хотят признать, что мы тоже говорим на немецком языке, что мы тоже немцы? С желающими мы общаемся очень хорошо”, – нетерпеливо возразила «Повесть о двух городах».

“Потому что мы не говорим на их диалекте. Мы говорим на языке наших предков, который у нас практически не изменился, а они развивались и сильно изменились. Это единственная причина, вызывающая языковые трудности. Но такие трудности встречаются также между Саксонцами и Баварцами, Швабами и Мекленбургцами, другими этническими группами”, – объяснил «Барнеби».

“Итак, мы должны адаптироваться к современному языку?” – подытожил «Вильгельм».

“Да, это единственно правильный путь. И не только это, если мы хотим чувствовать себя как дома, мы должны подстроиться под все современные условия жизни, так как мы являемся частью немецкого общества целиком, и кожей, и волосами”.

“Но почему мы так долго оставались за границей, что язык успел измениться за это время? Почему мы не изменили свой язык?” – спросила самая молодая книга.

«Барнеби» вынужден был обратиться к истории: “Ведомые судьбой, бегущие от бедности, перенаселения, войны и нетерпимости, соблазненные обещаниями свободы, вдохновлённые ощущением новых возможностей, осуществлением новых предприятий, иногда за приключениями – в XVIII–XIX

веках многие немцы из разных родов потянулись навстречу Востоку.

Так и предок нашего спасителя, пильщик досок, пришёл в Польшу пешком. Сапоги у него висели через плечо, в руке он нёс пилу, а в кармане лежала Библия. Он поселился недалеко от Зидлица. Но как только хозяйство стало приносить прибыль, он, как и другие немецкие колонисты, оказался под перекрёстным огнём восставших поляков и подавляющих их русских. Невыносимые постоянные поборы с обеих сторон разрушили их возросшее благосостояние, и они были вынуждены покинуть обжитую область. В 1865 г. они побрели дальше на восток, на Волынь, и там основали сотни новых колоний.

Поддержку духовной жизни осевших там примерно 50 тысяч немцев взял на себя приход в Житомире, основанный в 1801 г. Евангелическо-Лютеранская консистория Санкт-Петербурга заказала в Лейпциге обширную библиотеку для этого большого прихода. Таким образом мы, три немецкие книги, последовали за людьми на восток. Книги живут также, как и люди: они рождаются, существуют, чтобы помочь людям, стареют и, в конце концов, исчезают навсегда, чтобы уступить место другим, новым книгам. Но, созданные людьми, мы можем жить только рядом с ними, сопровождать их, и иногда это продолжается в течение нескольких поколений.

В 1879 г. в лесной колонии Геймталь открыли третью

церковь на Вольни. Для удовлетворения духовных потребностей колонистов в 1904 г. в этой верующей деревне была открыта немецкая семинария. Житомирское духовенство передало приходу в Геймтале огромную ценность, состоящую из нескольких тысяч библиотечных книг, которые должны были облегчить обучение семинаристов. Здесь в течение двух лет учился и наш будущий спаситель, имевший возможность читать книги из родного Лейпцига, что было большой удачей.

Вспыхнула Первая Мировая война. Разжигание ненависти русских к немцам привело к тому, что обучение в школах перевели на русский язык, семинария была закрыта, а книги переданы в церковную библиотеку.

Вскоре после начала войны, 12 февраля 1915 г., царь издал указ о конфискации имущества и высылке немцев из Вольни. Уже 1 июня двое полицейских выволокли пастора Юлиуса Йохансона с амвона во время службы и арестовали, как и нескольких других богатых и уважаемых поселенцев. Все эти немцы обязаны были подготовиться к отъезду до 10 июня. И только жена пастора Фредерика преодолела боль и шок, вспомнила о ценности библиотеки и со своими тремя несовершеннолетними детьми спрятала много книг в тайнике. Она успела вовремя, так как буквально на следующий день пастора с семьёй полицейские конвоировали в Житомир.

200000 немцев Вольни, 500 деревень, были подвергнуты

массовой высылке, а затем затолканы в вагоны для скота и депортированы вглубь России. Мы, книги, забытые всеми, застыли на десятилетие в тесноте и темноте в глубоком сне.

После Октябрьской революции в России выжившие поселенцы постепенно вернулись на Вольню. В 1925 г. пастор Уле узнал о тайнике с библиотекой, и книги снова увидели солнечный свет, нашли путь к своим читателям. Наш спаситель тоже вернулся на родину, стал учителем в немецкой школе Геймталя, ему снова посчастливилось иметь возможность читать популярные книги на немецком языке.

Но из-за антирелигиозного давления большевиков на Церковь люди опасались преследований и репрессий – постепенно читателей в приходской библиотеке становилось всё меньше и меньше. В 1934 г. пастор Уле был арестован и вместе со всей семьёй выслан в Сибирь, церковь закрыли, крест с колокольни сорвали, а библиотеку подвергли антирелигиозной цензуре. Большинство книг было обречено на гибель. Книги Гёте, Шиллера, Шекспира, Дидро и других всемирно известных писателей были отправлены к позорному столбу и сожжены.

Мы тоже были осуждены, и нас бросили к столбу, но нам посчастливилось скользнуть в сторону. Я видел, как среди красных светящихся вспышек сновали трое мужчин. Их тени качались от дерева к дереву, а силуэты на высокой стене церкви превратились в огромных горбатых монстров.

Брошенные в огонь книги отбрасывали тысячи светящихся искр, которые сливались с пламенем, проскальзывали среди зелёной листвы, и где-то там, в вышине, смешивались со звёздами.

Я до сих пор вижу, как мужчина с двумя детьми прячется в тени и наблюдает за нашим испепелением. Два мальчика боязливо прижимаются к ногам взрослого. Пытаясь их успокоить, он положил свои руки на их узкие плечи. Он сказал: “Смотрите, дети! Эта картина уничтожения книг должна вечно гореть в пламени вашей памяти. И когда повзрослеете, вы не должны забывать эту страшную ночь”.

В ту же ночь, втайне от всех, этот мужчина притащил на чердак несколько мешков книг и за закрытыми дверями тщательно привёл их в порядок. Несмотря на грозившую ему смертельную опасность, он спас то, что удалось унести. Так мы, наряду с другими книгами из Лейпцига, оказались в домашней библиотеке нашего спасителя – учителя”.

Спаситель описал эту ночь в своём дневнике так: “Пурпурные языки огня шептали шипящим и трещающим голосом слова отчаяния, разочарования, отвращения и боли – о бессмысленной деятельности людей, которые эти книги даже не читали, не имеют понятия ни о содержании, ни об авторах, но, тем не менее, приговорили их к сожжению и беспощадно бросают в огонь. Каждая последующая стопка книг закручивалась в пепел бумажных хлопьев, и тлеющим дымом между дубовых крон уходила в бесконечное небо. А вме-

сте с дымом красиво улетали самые глубокие чувства людей, чьи жизни были описаны маленькими буквами на бумаге.

И эти переживания людей должны исчезнуть вместе с огнём в вечности? «Страдания юного Вертера», слёзы старого «Короля Лира», любовь «Ромео и Джульетты» и, и... – всё? Гёте – там где то упоминается о Боге, Диккенс – толстый, значит богатый, это представитель буржуазии – рассудили инквизиторы – так что на костёр их всех!

раз сегодня, в 20 веке, коммунисты или фашисты пытаются вырастить новые её ветви. Два полярно противоположных общественных строя используют в своём язычестве одну и ту же узкую доску для того, чтобы перешагнуть пропасть своей греховности, и надеются, что на той стороне они достигнут различных целей. Какой смешной вздор и заблуждение! Я боюсь делать какие либо прогнозы на будущее, но беспокойное, необъяснимое чувство, полное сомнений, плавает в сегодняшнем протухшем воздухе. Куда это нас приведёт?»

«Барнеби» рассказал до конца эту историю о трёх книгах: «Он вступил в самые трудные времена жизни немцев в России: изгнание, депортация, геноцид. В 1935 г. мы сопровождали нашего спасителя в Крым, а в 1938 г. – в Казахстан. В 1956 и 1964 годах государство отменило репрессии, но уродливая реабилитация немцев Советского Союза не принесла им никакой надежды на возрождение по большей части уже уничтоженной немецкой самобытности. Это привело к всеобщему решению о возвращении на исконную родину, в Германию. Внуки спасителя книг из Лейпцига нашли свой дом в Лейпциге. И мы вместе с ними!»

Краткая история этой книги:

Имя, фамилия: «Барнеби Радж» Чарльза Диккенса.

Отец: заказ Евангелическо-Лютеранской консистории в г. Санкт-Петербург.

Мать: Издатель Карл Б. Лорк.

Дата рождения: 1845.

Место рождения: г. **Лейпциг**.

Пройдённый путь: 10000 километров от Лейпцига до Санкт-Петербурга, Украина, Житомир, немецкая колония Геймталь, Цюрихталь в Крыму, Казахстан и снова Лейпциг.

Продолжительность пути: полтора века.

Живучесть: Пережил три общественных строя (царская империя до 1917 г., временное правительство 1917 г. и большевистско-коммунистический режим в период 1917–1990 годов).

Цель путешествия: образовательная и просветительная работа в рядах немецких колонистов в России, поддержка родного языка.

Цель возвращения: жить на родине среди немцев.

Место жительства: г. **Лейпциг**.

5. Подтверждение зловещего предсказания

житель Молькау по следам истории

Когда автор этой статьи, молодой житель местечка Молькау, что недалеко от Лейпцига, наткнулся на две книги автора Рудольфа Шульце-Молькау, он решил, что этот человек, скорее всего, уроженец Молькау. Он прочитал эти книги и был сильно удивлён.

В 1930 г. автор побывал в бывшей Автономной Республике немцев Поволжья в Советском Союзе, которую декларировали всему миру, как успешный пример национальной политики СССР. Он попытался ознакомиться с жизнью немецкого меньшинства и их политической системой. После своего возвращения, 14 марта 1931 г. Рудольф Шульце-Молькау защитил докторскую диссертацию в университете г. Лейпцига: «Принципы государственности немцев Поволжья в российской национальной политике».

Содержание его исследований указало на ряд специфических особенностей в этом вопросе: Автономная Советская Социалистическая Республика немцев Поволжья (АССРнП⁷) была образована на основе «Декларации прав народов России» от 15/28 ноября 1917 г. указом сверху. Эта «Де-

⁷ АССРнП – Автономная ССР Немцев Поволжья.

«Декларация» гласила: свобода народов; самоопределение народов; отмена всех ограничений, наложенных на народы; свободное развитие всех национальных меньшинств...

1. 19.10.1918 г. был издан указ о создании Автономной Коммуны немцев Поволжья. Затем, 20 февраля 1924 г. последовало решение Верховного Совета об образовании АССРнП. В 1930 г. площадь АССРнП составляла 27400 км². Для сравнения, площадь Бельгии 30500 км². Численность населения составляла 530000 человек, в том числе 400000 немцев.

2. Политический контекст создания немецкой автономии в России был сформулирован автором в предисловии к книге в виде следующего заявления: *“В очередной раз в центре внимания Российских интересов встал вопрос о российских немцах... Немцы Поволжья в современной России – группа поселенцев иностранного происхождения, в отношении которой национальная политика большевиков имела своё первое практическое проявление. Её частично хвалили, частично её пренебрегали”*. Страница 20: *“Русификация, как система во внутрироссийской политике, как она была задумана и осуществлена российскими государственными деятелями, была не только результатом великого русского экспансионизма, это была попытка с помощью государственного управления решить главную российскую проблему с точки зрения объединения и разобщения России”*.

3. Автор имел в виду, что «Декларация» резко противопо-

речит самому факту существования немецкой автономии. В «Прогнозе» читаем, что *“...большевистский режим умело балансирует экономической децентрализацией и либерализмом по отношению к национальным меньшинствам так же, как ранее это уже делал царизм. Там, где он находит сопротивление, он настраивает низшие классы одной национальности на другую, преобладающую на национальном и социальном уровне группу, возбуждая национально окрашенную классовую ненависть”*.

4. Его поразительные предсказания не с кем сравнить ни в науке, ни в мировой литературе (стр. 112): *“Если отрицается сам вопрос о предоставлении государственности Поволжской Республике, и подтверждено только далеко идущее политическое, правовое, экономическое и культурное самоуправление, вы можете быть уверены в непредсказуемости решений власти большевиков, которая в один миг может упразднить снисходительно предоставленную автономию”*. Это значит, что уже в то время, за десять лет до войны 1941–1945 гг., автор пришёл к выводу, что при определённых обстоятельствах российским немцам будет уготована роль «стрелочников», и что АССРнП будет ликвидирована. Что и произошло на самом деле.

Пересечение границ России 22 июня 1941 г. гитлеровскими солдатами одновременно определило дальнейшую судьбу немцев в Советском Союзе. Пресса и радио СССР были наводнены сообщениями, вызывающими ненависть ко всему,

что было связано с немцами, обращёнными не только против нацистской Германии, но и против собственных немецких граждан СССР. Вначале была разожжена сильная ненависть к немцам Волыни, затем она была перенесена и на всех остальных: немцев Крыма, Кавказа, Черноморского побережья, Поволжских немцев.

Уже через 2 месяца, 28 августа 1941 г., Верховный Совет издал указ, который нарушил немецкую автономию, ликвидировал Поволжскую немецкую республику, обвинил советских граждан немецкого происхождения в сотрудничестве с Гитлером, за что приговорил их к насильственному переселению в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию. Эта депортация была мощнейшим ударом Советского правительства по собственным гражданам, что должно было привести к полному уничтожению советских немцев.

За время “одной затяжки Сталиным курительной трубки”⁸ все немцы были лишены своего имущества, загнаны в вагоны для скота и отправлены в вечное изгнание. Отчаявшимся матерям не помогли ни жалобы, ни мольбы, ни крик, ни слёзы... родственные связи были разорваны, а немецкие семьи разбросаны по одной-две семьи на поселение по обширной территории, которая по размеру была как десять Европ. С этого момента полтора миллиона немцев навсегда утратили веру в содержание Советской декларации: свобода,

⁸ „In einem Zug Stalins Pfeife“ – “одна затяжка Сталинской трубки”, обозначает принятие Сталиным бездумно быстрых решений о судьбе целых народов.

независимость, поддержка национальных меньшинств. В отношении них действовало только право господства над ними, это было ограничение всех прав человека. Этот шаг приговорил немцев России к полной и быстрой ассимиляции. С этого дня начался жестокий геноцид против всех, кто пытался сопротивляться этому решению правительства.

Спутница жизни автора, Мария Дёрр, родилась в бывшей АССРнП. Как и все немцы СССР, она приняла на себя предсказанный удар. Девятилетний ребёнок, она была осуждена Сталиным и его кликой за вторжение Гитлера в Советский Союз. С родителями и пятью братьями и сёстрами (от 1 до 13 лет) она была сослана в бескрайние степи Казахстана – 200 км от г. Кокчетав, в небольшой казахский аул⁹. Она провела в изгнании 53 года. Все эти годы общество снова и снова напоминало ей: *“Не забывай, кто ты. Не забывай своё место. Ты немка!”* И только в 1994 г. ей было позволено собрать семью и уехать на родину предков. Вначале они посетили Грюнберг (земля Гессен), который их предки покинули 230 лет назад, эмигрировав в Россию. Там они низко поклонились... Однако поселились в районе Молькау города Лейпцига.

Увлечённый поразительным предсказанием Рудольфа Шульце-Молькау, автор поставил перед собой задачу исследовать судьбу этого замечательного человека, придать гласности и сделать ближе, особенно к жителям Лейпцига и

⁹ Аул – небольшое казахское поселение.

Молькау.

Вначале он искал в Молькау жителей с фамилией Шульц. Нашлось шесть семей. Но ни одна из них не была в родственных связях с автором. Затем последовали: церковный архив Молькау, посещение двух кладбищ, местная библиотека, библиотеки Лейпцига, университетская библиотека, центр генеалогии в Лейпциге, библиотека Мартин-Опитца в Херне и снова архив в университете Лейпцига. Но даже здесь не было каких-либо биографических ссылок на Рудольфа Шульце-Молькау.

В 1998 г. газета «Mölkauer Gemeinde Blatt»¹⁰ опубликовала сообщение о том, что в сентябре 1999 г. будет отмечаться 675-я годовщина этого поселения... На встрече пенсионеров был поставлен вопрос о признании достоинств Рудольфа Шульце-Молькау. Две почтенные дамы, старейшие жительницы (обеим было за 85), вспомнили, что он мог быть сыном Генриха и Ядвиги Шульце, и тогда учительница начальных классов – его племянница. Фрау Ирена подтвердила это и любезно передала искателям адрес двоюродного брата и две фотографии своего дяди.

Петер Шульце-Добольд, сын Рудольфа, сразу же ответил нам из Штутгарта и сообщил следующее: *“Мой отец, Рудольф Шульце-Молькау, родился 3 февраля 1904 г. в Молькау под Лейпцигом и рос в поместье родителей по адресу Дорфплатц 5. Здесь он учился в начальной школе, окончил Николаевскую гимназию в Лейпциге и в 1931 г. в университете был удостоен степени доктора юриспруденции. Здесь, в Лейпциге, в 1931–1938 годах он начал работать в качестве юрисконсульта, затем (с перерывом) в период с 1938 по 1954 г. он работал городским советником в городе Кобург, из-за войны в 1943 г. оказался в плену в России, а в 1946 г. был освобождён и вернулся. С 1954 г. и до выхода на пенсию он работал в районе Ансбах, был активным Баварским деятелем. Он очень любил свой родной Молькау и город Лейпциг, во времена ГДР пытался не реже одного раза в год посе-*

¹⁰ «Mölkauer Gemeinde Blatt» – «Общественный листок Молькау» (прим. пер.).

щать место своего рождения, семью брата, которая жила в родительском доме, и многих других родственников, друзей, боевых товарищей, проживавших вблизи Лейпцига. Он умер в 1969 г. в возрасте 65 лет и похоронен на кладбище города Бамберг”.

В сентябре-декабре юбилейного года была проведена выставка «675 лет Молькау». На ней действовал стенд с четырьмя фотографиями и текстом о жизни и деятельности земляка жителей Молькау – Рудольфа Шульц. Этот рассказ расшевелил людскую забывчивость и пробудил интерес у многих посетителей выставки.

Рудольф Шульце-Молькау написал две книги, которые являются неоценимым вкладом в историю немецкой культуры. В этих книгах он рассказал о существовании в 1930 г. немецкого национального меньшинства на Волге, предсказав печальный конец за 10 лет до изгнания. Его поразительные предсказания, его анализ, являются не только важной частью нашего прошлого, но одновременно и светящимися предупреждающими знаками, которые адресованы нам, живущим сегодня. Это напоминание о возможных зверствах, к которым в своём безумии может привести людей коммунистическая диктатура.

Рудольф Шульце-Молькау заслужил самое высокое уважение немцев, живущих сегодня. Его имя не должно кануть в Лету.

Глава 2

Чёрная петля

(Путеводная звезда в порочном круге страха)

1. Таинственный чемодан

Когда мой отец стал немощным и был прикован к постели, мне, его единственному сыну, не оставалось другого выбора, кроме как помогать ему. Моей матери было уже 72 года, но она всё ещё вела домашнее хозяйство и днём заботилась о своём пациенте. Я жил и работал в другом месте, и поэтому мог ухаживать за больным только в ночную смену, с десяти вечера до шести утра.

Моё дежурство состояло в своевременной выдаче лекарств, подаче питья и неоднократных переворотах ослабленного больного. Мы с отцом разговаривали очень мало, хотя он и был в полном сознании. Он не позволял нам говорить о его лечении, не позволял вызывать врачей и принимал только привычные лекарства от кашля, астмы и сердца. Домашний врач описал это состояние так: *“Человек со временем стареет, устаёт, слабеет и не испытывает ни ма-*

лейшего желания жить и продолжать борьбу, он устал от жизни. Не стоит принуждать таких пациентов к новым лекарствам, это только приблизит их конец”.

Я не мог найти выход из этой ситуации и без вопросов подчинялся требованиям больного. Эта была очень неудобная для меня ситуация, однако о чём здесь можно говорить? Мы оба, отец и сын, давно уже выяснили наши взаимоотношения и знали мировоззрения друг друга. Наши мировоззрения не совпадали и вели к непримиримым противоречиям. Спор наш продолжался долгие годы, и, чтобы не расстраивать друг друга, мы договорились, раз и навсегда, никогда не затрагивать этот вопрос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.